

С. В. Сливко

«ЭХО ВОЙНЫ» И ЕГО ОСМЫСЛЕНИЕ В ПОЗДНЕМ ТВОРЧЕСТВЕ В. Г. ЛИДИНА (1960–1970-е гг.)

В статье проанализированы рассказы В. Г. Лидина 1960–1970-х годов и рассмотрены особенности осмысления писателем последствий Великой Отечественной войны в жизни людей послевоенной эпохи.

Ключевые слова: В. Г. Лидин, Великая Отечественная война, рассказ, история.

Имя Владимира Германовича Лидина практически неизвестно современному читателю. Начиная с 1980-х годов его произведения в нашей стране не переиздавались, а среди весьма немногочисленных публикаций в прессе, посвящённых ему, присутствует взгляд, выраженный писателем и колумнистом «Литературной газеты» Владимиром Березиным: «Лидин повторил судьбу тех советских литераторов, что красиво и многообещающе начинали, а потом становились какими-то пыльными и душными. В общем, писали скучно. Нет, возможно, избежавший многих бед своего времени, Лидин был прекрасным собеседником и отличным другом, но позднюю прозу его читать решительно невозможно» [1]. Столь уничижительная оценка творчества В. Г. Лидина, не подкреплённая абсолютно никакими рациональными аргументами, явно не делает чести автору, который использует кривое зеркало своих субъективных ощущений, чтобы в неприглядном виде представить современной читательской публике давно ушедшего из жизни писателя. Между тем, на наш взгляд, жизнь и произведения Владимира Лидина не только являются неотъемлемой частью русской советской литературы 1920-х – 1970-х годов, но и представляют большой интерес для современного читателя, которому ещё только предстоит открыть для себя лидинское творчество в XXI веке: и литературные достоинства, и глубина поднимаемых социальных проблем способны сделать его одним из приятных открытий для наших читающих современников.

На протяжении более тридцати лет В. Г. Лидина связывала дружба с А. А. Фадеевым. С начала 1920-х годов до трагического дня 13 мая 1956 года их пути в литературе всегда шли рядом и иногда пересекались на Дальнем Востоке, на фронтовых дорогах Великой Отечественной войны, на литературных дискуссиях в Союзе писателей СССР. Особенно же сильно сближали схожие эстетические взгляды, любовь к русской классической литературе и искусству,

увлечённость Дальним Востоком, совместные воспоминания о становлении советской литературы в 1920-х годах, в котором оба принимали активное участие: «Он [А. А. Фадеев] ценил писательскую дружбу, особенно если дружба эта зародилась в те годы, когда только стекались писатели, которым суждено было стать основоположниками советской литературы. Л. Н. Сейфуллина сказала однажды: “Я не сирота, пока существует Саша Фадеев”» [5].

В. Г. Лидин начал писать художественную прозу в юности, и в 1908 году (автору на тот момент было 14 лет) появились его первые публикации в московских и петербургских журналах. В 1916 году увидели свет первые две книги лидинских рассказов — «Трын-трава» и «Вороньи кони». За всю долгую творческую жизнь из-под пера писателя вышли 17 романов, несколько сотен рассказов, очерки, мемуары, публицистические статьи. Особой любовью Лидина пользовался жанр рассказа, в котором он развивал лучшие черты русской классической малой прозы — тонкий психологизм, наблюдательность, высокую культуру слова, гражданственность: «Мягкие акварельные краски, лиризм, человечность всегда привлекали к его рассказам внимание читателей» [2].

В годы Великой Отечественной войны В. Г. Лидин, как многие другие советские писатели, направил силу своего писательского таланта на борьбу с немецко-фашистскими захватчиками. В качестве военного корреспондента газеты «Известия» и спецкора армейской газеты «Суворовский натиск» он постоянно бывал на разных фронтах и посещал оборонные предприятия. В газетах регулярно появлялись его публицистические статьи, очерки, корреспонденции и рассказы, в которых уверенность в победе над врагом сочеталась с глубоким анализом лучших качеств советского народа, повествованием о героях фронта и тыла, постановкой и решением серьёзных моральных и нравственных вопросов [11].

Масштабность и драматизм событий Великой Отечественной войны, несокрушимая воля народа к победе постоянно осмысливались писателем в творчестве военного времени. В дни битвы за Москву В. Г. Лидин писал: «Война выжгла многие наши степи, многие города старой славы, гнездилища русской истории, но она не выжгла народ. Напротив, как спекается в огне порода, единым стал этот народ на единой географической карте» [9].

Испытания, закалившие советский народ, в то же время нанесли ему и глубокие раны. Последствия войны не были преодолены с завершением четвёртой пятилетки (1946–1950 гг.), позволившей СССР по многим параметрам восстановить довоенные экономические показатели. Война оставила

глубокий след в жизнях десятков миллионов советских людей, в значительной степени повлияв на их жизнь в мирное время. Долгое «эхо войны» раздавалось десятилетия спустя после Великой Победы и не угасло до сих пор. К этой теме В. Г. Лидин постоянно возвращался в своих рассказах послевоенного времени. Многообразие человеческих судеб и характеров, сложность нравственных проблем и необходимость личного выбора нашли отражение в многочисленных рассказах писателя. Обращение к жанру рассказа, который стал основным в послевоенном творчестве В. Г. Лидина, позволило писателю представить и осмыслить жизненные коллизии, возникшие в судьбах сотен литературных героев. Особое место среди них занимают произведения, связанные с Великой Отечественной войной и её последствиями.

Рассказы «Человек и снег» и «Московская метелица» композиционно схожи, и ключевую роль в них играет ретроспективное повествование, которое позволяет оценить влияние событий военных лет на последующую жизнь героев. В рассказе «Человек и снег» история личной драмы писателя Александра Ивановича Иннокентьева показана через воспоминания, которые приходят к нему за письменным столом, во время размышлений над новым рассказом, а последняя сцена, происходящая в режиме реального времени, становится кульминацией рассказа и ярко показывает глубокую пропасть, отделяющую его от дочери. В рассказе «Московская метелица» историк Михаил Николаевич Вязьмин погружается в воспоминания о военном прошлом, стоя в очереди цветочного магазина, куда он пришёл за цветами в честь 35-летия со дня знакомства со своей супругой, которое состоялось на поле боя под Дорогобужем. Время, проведённое в очереди, заполняется воспоминаниями об их совместном жизненном пути, а кульминацией рассказа становится сцена возвращения главного героя домой и встречи с любимой женщиной, показывающая глубину их семейного счастья.

В обоих рассказах снег становится символом, погружающим главных героев в воспоминания о военном времени, ставшем истоком последующего их горя и счастья. У писателя Иннокентьева «снег всегда приносил с собой воспоминания, одни были нежные и неуловимые, другие жестко сжимали сердце, и оно томилось в их жесткой руке» [10, с. 3]. Снег подчёркивает одиночество главного героя, его затерянность в бескрайних просторах страны, охваченной войной и тяготами военного времени. Это ощущение усиливается письмом от возлюбленной, Антонины Иваницкой, в драматических тонах сообщившей о своей беременности, и последующей полной утратой связи и с ней, и с её семьёй. Далее снег появляется в воспоминании о знакомстве

Иннокентьева с уже взрослой дочерью Агнией — пусть и родным по крови, но всё-таки чуждым человеком: «Она называла его “Александр Иванович”, она не могла принудить себя называть отцом этого совсем чужого, хотя и расположенного к ней, человека, и он примирился с этим, это было тоже в правилах войны, что люди навеки теряли друг друга» [10, с. 10]. Главную роль в разлуке дочери с отцом сыграла её бабушка, мать Антонины, утаившая от Иннокентьева факт существования дочери, а внучке сообщившая о смерти её отца на войне. Но именно война запустила цепь роковых событий, разрушивших личное счастье писателя.

Для Агнии и отец, и мать — люди из далёкого и неведомого прошлого, она сирота, воспитанная суровой бабушкой. И её сиротство показано В. Г. Лидиным во всей полноте, включающей не только отчуждённость Агнии от памяти о матери и от живого отца, но и от тех ценностей, которыми жила мать и продолжает жить отец: «Он жил один, и Агния ни разу не спросила его, почему он один, неужели никого не нашёл в жизни, а то, что он единственно любил её мать, в это она, наверное, не поверит, да и не знала она мать совсем. И он подумал о том, что война унесла не только Тоню, она унесла и их дочь, это было в правилах войны, в её правилах». Агния погружена в жизнь столичной творческой интеллигенции, занята построением карьеры и материальными заботами, а внезапно найденный отец воспринимается ей сугубо приземлённо и прагматически — как человек, который способен помочь устроиться в жизни. Потребительское отношение Агнии к людям и миру вокруг себя заставляет писателя задать ей вопрос: «Бабушка никогда не говорила тебе, что людей нужно беречь, уважать, что люди нужны друг другу... что нет ничего выше верности и милосердия и что любовь может иногда опустошить жизнь человека, но вместе с тем и обогатить её?» [10, с. 13]. Однако Агния спокойно отвечает, что они с бабушкой не обсуждали такие темы, а потом она уходит в заснеженный московский вечер. Отчуждённо-равнодушная характеристика выросшей её бабушки — «бабушка была, правда, хорошим экономистом, но у неё были свои взгляды на жизнь» — иллюстрирует как одиночество Агнии, так и пропасть, отделяющую её от отца с его жизненными ценностями. Душевная чёрствость дочери, противопоставленная в рассказе гуманизму отца, — тоже одно из последствий войны, лишившей Агнию полноценной семьи.

В рассказе «Московская метелица» снежная стихия динамична, она подобна течению жизни, которая предстаёт в воспоминаниях главного героя серией событий, навсегда связавших его с любимым человеком. Медсестра

Надя Шевелева, спасшая жизнь командиру батареи Михаилу Вязьмину, не потерялась на фронтовых дорогах — она встретила его в госпитале во время нового ранения: «Как и в самом начале войны, когда его ранило в грудь и из белого обморочного облака возникло склонившееся над ним юное лицо медицинской сестры, так и сейчас, но только повзрослевшее и как бы затвердевшее в испытаниях, возникло лицо той Нади Шевелевой, которой он был обязан жизнью когда-то...» [4, с. 7]. Несмотря на все преграды военного времени, они всё равно встретились в третий раз, в подмосковной электричке уже мирного времени, чтобы не расставаться более никогда. Показателен диалог между Надей и Михаилом:

«— Как всё случайно и как всё просто в жизни... Я, конечно, не тогда, когда в первый раз ранило тебя, а при новой встрече подумала, что, значит, была судьба встретиться нам снова, а про электричку я уж и не говорю.

— Это не случайность, а другие законы... именно они помогли нам выиграть войну».

Под «другими законами», позволившими выиграть войну, Михаил подразумевает гуманизм, равнодушие к другим людям, готовность воспринять радость и боль ближнего, как свои собственные, глубокие человеческие связи между людьми, которые позволяют не только выживать в сложнейших военных событиях, но и находить в них счастье. Неспроста мать Михаила, Анна Васильевна, произносит фразу: «Подумать только — нашёл её на войне, где лишь теряли и теряли» [4, с. 9]. Таким образом, в рассказе «Московская метелица» показана другая сторона войны и её последствий — не только уничтожающая и калечащая судьбу человека, но и дающая ему возможность преодолеть тяжёлые испытания, найти личное счастье вместе с обрётённым на войне спутником жизни.

В нескольких рассказах В. Г. Лидина изображена судьба родителей, переживших утрату на войне своих сыновей. Герой рассказа «Заячья лапка» Ипполит Ипполитович Сычугов — театральный гримёр, на протяжении сорока лет помогавший артистам создавать свои сценические образы. После выхода на пенсию он по-прежнему приходит в театр, который стал для него настоящим домом. Профессионал своего дела, Сычугов вкладывал в работу всю свою душу, заботясь об артистах и с волнением следя за их игрой, профессиональным ростом и личной жизнью. Целые поколения актёров прошли через его заботливые руки, благодаря которым в немалой степени создавались персонажи, чьи слова и поступки волновали тысячи зрителей. Визит Сычугова в театр приносит ему встречи с молодым артистом Михаилом

Яблочковым, известной актрисой Варварой Ельцовой — для них пенсионер по-прежнему близок и дорог, они уважают не только его профессионализм, но и душевную теплоту, заботу и отеческое отношение. Лишь один эпизод выдаёт глубокую личную драму, которая произошла в жизни старого гримёра — предназначенная для растушёвки грима заячья лапка, привешенная над зеркалом в гримёрке Варвары Ельцовой, была добыта его сыном Николаем, погибшем на фронте в 1943 году. Актриса Анна Крохотова берегла её как амулет, а теперь она перешла по наследству к другой актрисе. «Я берегу эту лапку... теперь буду её ещё больше беречь», — говорит растроганная Ельцова, узнавшая историю гримёрного аксессуара, и в этой реакции угадывается новая сторона, открываемая и ей, и читателем в старом театральном работнике. Смерть сына не привела к омертвлению души Сычугова, напротив, он стал дарить отцовскую любовь и заботу другим людям, артистам, сроднившись с театральным миром: «Никуда не ушёл он от своего театра, да и как уйти от того, в чём заключена частица и твоего сердца, и твоего усердия, а случилось, и твоих слез...» [3, с. 35].

Главная героиня рассказа «Стих» пенсионерка Александра Парфёновна Косенкова потеряла своего единственного сына Дмитрия во время войны; проживавшая вместе с ней племянница уехала на курсы усовершенствования агрономов, и от одиночества её спасает письмо и книга, полученные от учительницы сына. Опубликованные в книге два стихотворения сына, найденные кем-то в его полевой сумке сразу после гибели, изменяют жизнь матери. Перечитывая стихотворение, в котором присутствует строчка «И может быть, свершить дано мне мало, но я хочу и малое свершить», она разговаривает со своим сыном как с живым и ощущает его присутствие в своей жизни: «Такой хороший твой стих. Но как же так, Митенька, что дано было тебе мало совершить... совершил, на вечные времена совершил, каждый должен поклониться тебе за твоё дело» [8, с. 58]. Публикация стихотворений сына и продолжение его жизни в слове, заключённое в стихотворениях тепло придают Александре Парфёновне силы для жизни: «Поживу ещё, Митенька, мне интересно, как слово твоё станет, а Павел Иванович для музея переписать хочет...» Неспроста пришедшая в гости соседка, спросившая, не одна ли дома хозяйка, получила ответ: «Должно быть, не одна всё-таки». Стихотворения сына, опубликованные в книге, и память о нём спасают мать от одиночества на склоне лет.

В рассказах В. Г. Лидина затрагивается тема сохранения исторической памяти о подвиге участников Великой Отечественной войны, которая тесно связана с судьбой последующих поколений. В рассказе «Отцы» краевед

Владимир Савелов встречается с сотрудницей подмосковного краеведческого музея Татьяной Вязовой, и их внезапно объединяет история военного времени, выясняется, что их отцы служили в одном авиационном полку. «Как неисповедимы бывают ходы жизни, и так странно, так неожиданно мы с вами заново соединили судьбы наших отцов!» — произносит героиня рассказа, чей отец служил штурманом в полку, которым командовал отец Владимира. Тяжесть утраты близких людей, военное сиротство омрачили жизнь детей военного поколения, но в то же время у детей военных лётчиков возникла и ответственность за продолжение дела отцов, выражающаяся в сохранении истории родной земли, и гордость за своих родителей, спасших мир от коричневой чумы: «Боль осталась на всю жизнь, но осталась на всю жизнь и гордость... всё-таки мы с вами можем гордиться нашими отцами!» [6, с. 194]. Открытый финал рассказа и возникшая между героями симпатия позволяют предположить в будущем дружбу между детьми героев или даже глубокое взаимное чувство, начало которым положила случайная встреча в подмосковном музее.

Мысль о глубокой взаимосвязи событий военных лет с современными проблемами, о громадном неоплатном долге перед ветеранами Великой Отечественной войны отчётливо звучит в рассказе «Планета», где подчёркнуто единство событий планетарного масштаба с незначительными на первый взгляд событиями из жизни «маленьких» людей. Пирожки с капустой, принесённые буфетчицей Соней в обеденный перерыв, вызывают совершенно другое течение в разговоре журналистов Костромина и Ставицкого. Они подталкивают последнего к монологу, в котором он от воспоминаний о военном детстве переходит к насущным проблемам: «Что такое пирожок с капустой, кажется? Однако моя мать только в большие праздники пекла пирожки с капустой для трёх безотцовых, а отец под Смоленском погиб. Тебе вот, Василий Никитич, фельетон насчёт неправильного распределения квартир мелочишкой кажется: действительно, что такое в свете мировых событий судьба какого-нибудь инвалида войны, какого-нибудь ефрейтора Иванова, которого обошли с квартирой? Однако то, что мы с тобой сидим сейчас в тихом редакционном кабинете, пьём чай, вечером ты с женой пойдёшь в кино, может быть, я со своей посижу у телевизора, а завтра с домочадцами намереваюсь провести выходной день в Кратове, у матери жены — кому мы этой благодатью обязаны? Тому же Иванову, в частности, которого обошли с жильём... но ты соедини воедино всех Ивановых, вспомни, что в мировую копилку они свою копеечку вложили, кое-кого научили: лучше не связываться с нами в войну» [7, с. 139].

Таким образом, рассказы В. Г. Лидина представляют войну не только как катастрофу, унёсшую и разрушившую жизни миллионов людей, но и как фактор, последствия которого продолжают играть значительную роль в жизни всей страны и индивидуальных судьбах людей. В его творчестве война предстаёт враждебной и разрушительной стихией, при соприкосновении с которой проявляются личные качества людей, переплетаются людские судьбы и открываются новые смыслы человеческого бытия. Последствия войны в судьбах участников событий и их потомков не определены раз и навсегда — они развиваются вместе с обществом, прошедшим через военное лихолетье.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Березин, В. Три листика / В. Березин. — Текст : электронный // Литературная газета. — 2021. — 16 февр. — URL: <https://lgz.ru/article/tri-listika/> (дата обращения: 01.02.2024).
2. Владимир Германович Лидин // Литературная газета. — 1979. — 10 окт.
3. Лидин, В. Г. Заячья лапка // Таяние снегов / В. Г. Лидин. — Москва : Совет. писатель, 1980. — С. 30–36.
4. Лидин, В. Г. Московская метелица // Таяние снегов / В. Г. Лидин. — Москва : Совет. писатель, 1980. — С. 5–12.
5. Лидин, В. Г. Об Александре Фадееве // Собрание сочинений : в 3 т. Т. 3 : Рассказы. 1967–1968. Люди и встречи / В. Г. Лидин. — Москва : Худож. лит., 1974. — С. 374–379.
6. Лидин, В. Г. Отцы // Таяние снегов / В. Г. Лидин. — Москва : Совет. писатель, 1980. — С. 191–194.
7. Лидин, В. Г. Планета // Таяние снегов / В. Г. Лидин. — Москва : Совет. писатель, 1980. — С. 138–141.
8. Лидин, В. Г. Стих // Таяние снегов / В. Г. Лидин. — Москва : Совет. писатель, 1980. — С. 55–59.
9. Лидин, В. Г. У карты / В. Г. Лидин // Известия. — 1941. — 11 дек. (№ 292).
10. Лидин, В. Г. Человек и снег // Главы утра : Рассказы 1967–1968 гг. — Москва : Совет. писатель, 1969. — С. 3–13.
11. Турбина, О. РГАЛИ. К 130-летию со дня рождения Владимира Германовича Лидина / О. Турбина. — Текст : электронный // ГодЛитературы.РФ : Интернет-портал. — URL: <https://godliteratury.ru/articles/2024/02/15/rgali-k-130-letiiu-so-dnia-rozhdeniia-vladimira-germanovicha-lidina> (дата обращения: 01.02.2024).